

ЛЕВ ВЕРШИНИН

**РОССИЯ
ПРОТИВ
ЗАПАДА**

1000-ЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Запад против России. 1000-летняя война

Лев Вершинин

**Россия против Запада.
1000-летняя война**

«Яуза»

2015

Вершинин Л. Р.

Россия против Запада. 1000-летняя война / Л. Р. Вершинин — «Яуза», 2015 — (Запад против России. 1000-летняя война)

НОВАЯ КНИГА от автора бестселлера «РУССКИЕ ИДУТ!». Опровержение многовековой лжи об «агрессивности» и «экспансии» России на Запад. Вся правда о том, как Россия «рубила окно в Европу» и прирастала территориями от Варяжского (Балтийского) до Русского (Черного) морей. Кто и зачем запустил в оборот русофобский миф о «жандарме Европы»? Каким образом Россия присоединила Прибалтику, вернув свои исконные земли? Знаете ли вы, что из четырех советско-финляндских войн три начали «горячие финские парни»? Как поляки отблагодарили русских за подаренную им Конституцию, самую демократичную в Европе, и кто на самом деле развязал Вторую Мировую войну? Есть ли основания обвинять российскую власть в «антисемитизме» и pogrom'ax? И не пора ли, наконец, захлопнуть «окно в Европу», как завещал Петр Великий: «Восприняв плоды западноевропейской цивилизации, Россия может повернуться к Европе задом!»

© Вершинин Л. Р., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Глава I. Вопросы теории	6
Глава II. Звериный оскал России	9
Господа союзники	9
Апофеоз войны	10
О, эти русские...	11
Глава III. Похвальное слово жандармерии	12
Глава IV. Принуждение к миру	14
Быть свободным! Быть мадьяром!	14
Горячие точки	15
Священное поле	16
Миротворцы	18
Международное сообщество	19
Глава V. Интервенция	20
Соседушки	21
Мигранты и оккупанты	22
Евро стандарт	23
Большая стрелка	24
О, эти русские...	25
Глава VI. Оккупация	26
Мнение свыше	26
Хороший, плохой, злой	28
Капли датского короля	29
Друг в беде не бросит...	30
Битва за острова	32
Стабилизец	34
От рассвета до заката	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лев Вершинин

Россия против Запада. 1000-летняя война

В оформлении обложки использована фотография: коуа979 / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Вершинин Л.Р., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава I. Вопросы теории

«Агрессивность России», с точки зрения либеральных мыслителей, аксиома. В первую очередь – в направлении культурной, цивилизованной и глубоко интеллигентной Европы. Но не только. Причем основной аргумент – своего рода «последний довод королей» – удивительно прост: а если она – то есть Россия – не агрессивна, то каким образом ухитрилась так вырасти?

Примерная сумма претензий выглядит так:

«Сколько раз Россия воевала с Турцией, и что же – неужели всегда турки нападали?»

«Кто куда-то прорубал окно, и на чьих землях стоит СПб?»

«Что надо было русским войскам в городе Берлин? И с какой стати Суворов шлялся по Альпам, грабя до последней нитки мирных крестьян, до сих пор помнящих эти грабежи?»

И наконец:

«А результаты Венского конгресса? Роль России как жандарма Европы? Самого миролюбивого жандарма в истории человечества, конечно же... И в подавлении восстания венгров? Что на это скажете?»

Слыша подобное из раза в раз, уже даже не пытаешься спорить, сознавая, что тщетно. Но тем не менее надо. Хотя бы потому, что из 11 русско-турецких войн, случившихся в XVII–XIX веках, восемь раз войну объявляла именно Турция, причем, как правило, официально объявляла, уже фактически начав боевые действия. Это не значит, что какой-нибудь Сулейман-паша атаковал города-герои Смоленск, Курск, Новгород, Суздаль. Но...

Первая из одиннадцати началась с прихода некоего Кара-Мустафы-паши с регулярной армией Порты на берега Днепра. Последующие, вплоть до 1787 г., по приказу из Стамбула начинали крымские Гирей, конница которых (еще до формального объявления войны) разоряла южные окраины России, доходя как раз до города-героя Курска. Что, собственно, делали и в «мирные» промежутки времени – по той простой причине, что работорговля была едва ли не важнейшей статьей экспорта Крымского ханства и главным источником дохода для вечно голодных перекопских кочевников. В итоге довольно скоро военные действия переносились на турецкую территорию, и вот тогда-то начиналась «агрессия». Кое-кто, правда, считает исключением вторую (Крымские походы Голицына и Азовские походы Петра) и десятую (она же Крымская) войны. Однако походы Голицына осуществлялись в рамках борьбы с ежегодными набегами тех же Гиреев, а поводом к Крымской стал ввод Россией войск в вассальные султану Молдову и Валахию, на что Турция, дескать, закономерно ответила объявлением войны. Но – опять «но». Вассалы вассалами, однако по условиям Ункяр-Искеселийского договора 1833 года Россия была гарантом неприкосновенности автономного статуса Дунайских княжеств, и войска были введены в ответ на попытку Стамбула этот статус изменить. К тому же сам проект был задуман Англией и Францией, подтолкнувших Турцию к войне с целью разгромить и расчленив Россию. Таким образом, безусловное (оно же и единственное) исключение: война 1877–1878 годов. Та самая, которая «Турецкий гамбит». Тут уж никуда не деться, это мероприятие было и объявлено, и начато Россией, после того как Турция отказалась подчиниться требованиям России, Франции и Англии о прекращении геноцида балканских славян. Всем, кто назовет это агрессией, рекомендую поговорить с болгарами, сербами и македонцами. Они найдут лучшие формулировки для ответа.

То же и насчет «окна в Европу». Чтобы понять, недурно вспомнить, что Швеция, при династии Ваза (XVII век) резко рванув вперед, стала региональной сверхдержавой с претензиями на общеевропейское влияние. Она активнейше участвовала в Тридцатилетней войне, порвав на куски и разорив дотла Германию, где ее солдатами по сей день пугают детей. Она отняла у Польши почти все Поморье, брала штурмом Варшаву, жгла Вильно. Она оттяпала у Дании половину исторической датской территории (Сконе). Ну и Россию, известное дело,

не обошла вниманием: пока Московию терзала Смута, шведы ввели на русскую территорию войска (правда, по договору, который тут же нарушили) и захватили практически весь Северо-Запад, включая Новгород. Новгород, впрочем, вернули, но взамен вынудили слабенькое, только-только ожившее русское правительство отдать всю Ижорскую землю, ту самую, где нынче расположен Петербург, то есть полностью закрыли России дорогу к Балтике. В принципе, конфликт можно было уладить миром, поскольку Москва задолжала Стокгольму за некоторые услуги в период Смуты, а заплатить вовремя не смогла. Однако впоследствии Романовы раз за разом предлагали выплатить задолженности с процентами (что не исключалось статьями Столбовского договора), однако шведы всякий раз от операции «долг в обмен на территории» уклонялись. Неудивительно, что к концу XVII века ВСЕ соседи, униженные и ограбленные шведами, объединились в Северную Лигу – ради обуздания агрессора и возвращения своего, кровного. В январе 1700 года Польша и Дания атакуют Швецию – и получают по мозгам. Сильно. Дания мгновенно выбита из войны, а Польша истерически просит помощи – и получает ее от России. Дальнейшее известно. Не уверен, что войну за возвращение собственных земель, захваченных соседом в дни, когда страна была на нуле, можно всерьез называть агрессией. Тем более, что преференции по итогам Северной войны достались всем. Даже почти не воевавшая Дания и постоянно битая Польша вернули себе кое-что, а вообще не воевавшая Пруссия под сурдинку отхомячила Померанию (Польша была против, но кто ж ее спрашивал?). Естественно, не осталась внакладе Россия, вытянувшая воз фактически на себе. Это вполне в порядке вещей – не только по меркам того времени, но и по правилам более поздних времен. Так что, думаю, нет оснований считать Россию более агрессивной, нежели Данию, Польшу или – тем паче – Пруссию. Кстати, Польша и Пруссия зарились еще и на Курляндское герцогство, но именно Россия выступила гарантом его независимости.

То же по поводу «визита в Берлин». Семилетняя война – практически калька с войны Северной. В Европе появляется новый хищник. Очень зубастый. Фридрих Гогенцоллерн, объясняющий начало своих войн «наличием хорошей армии и живостью своего характера». Война эта фактически (по тем временам) мировая, поскольку за спиной Фридриха стоит Англия, щедро снабжающая его средствами и – пока Пруссия громит Францию и Австрию, – прибирающая к рукам французские колонии. России эта война, в принципе, совершенно не нужна (Фридрих на Восток не смотрит, ему бы Австрию обкорнать), но у Петербурга, черт побери, договор о взаимопомощи с Веней, а договоры, черт же побери, должны выполняться. Тем не менее воевать Россия не хочет и тянет до упора. Вступает лишь тогда, когда французы крепко потрепаны, а австрийцы фактически размазаны в пыль. И вновь очень удачно. Если проигрывши Фридриха (он не был совсем уж непобедим) союзникам имели тактическое значение, то после российских побед прусская военная машина фактически перестала существовать, а Кенигсберг и Берлин оказались под русским управлением. Фридрих умолял о мире. Австрия и Франция не соглашались, ориентируясь на добивание. Но Россия сказала «да». И не просто заключила мир, но и увела войска со всех занятых и уже присоединенных к Империи территорий. Без аннексий и контрибуций. Позже станет модным обвинять Петра III, заключившего этот мир, в измене России и ее национальным интересам, но если по совести, то этот невезучий царь, судя по всему, просто понимал: нельзя брать чужое, то, что в Россию не интегрируется, потому что в итоге получится болезненный нарыв. Вопрос по итогам: можем ли мы считать в данном случае Россию агрессором?

И наконец о Суворове. Вспоминаем прописи. Конец XVIII века. Революция во Франции ломает все правила и крушит все устои. А заодно и границы. Республика переворачивает вверх дном мир. Площади Парижа залиты кровью, во рвах лежат тысячи обезглавленных «врагов народа», а в обозе революционных армий едут передвижные гильотины. О диких грабежах на «революционизированных» территориях умолчим. Особенно страдает ближайший сосед Франции – Св. Римская империя (Австрия). Французы захватили Италию, заняли Швейцарию,

вошли в Тироль. В этой ситуации Австрия умоляет Россию о помощи. России, в принципе, на фиг эта война не нужна. Но – гильотины и прочая дребедень нужны еще меньше. А главное: договор. Павел Петрович – не тот мужик, который нарушает слово. Так что русская армия идет в Италию. И побеждает. Не для себя – для Австрии. Каких-либо территориальных интересов у Павла в этой войне нет. Сложные политико-дипломатические нюансы опускаю за ненадобностью, но факт в том, что у корпуса Суворова, ни единого поражения не потерпевшего, в конце концов возникла необходимость отступать. А отступать получается только через Швейцарские Альпы. И русская армия совершает свой знаменитый переход. Суворов, как известно, прорывается и уходит. После чего Австрия вскоре мирится с Францией, Павел рвет договор с Веной и заключает мир с Республикой. За что его вскоре и душит английская агентура. Скажите на милость, есть ли в этой истории хоть малейшие признаки русской агрессии? И еще – насчет «грабежей». Отступая через Альпы, войска Суворова не имеют никакого обоза. Ни обуви, ни теплых вещей, ни продовольствия. Австрийцы ничего не дают, хотя и обязаны. Так что действительно по ходу подъема-спуска происходят реквизиции. И официальные – под расписку (после войны, кстати, по этим распискам СПб аккуратно расплатился), и неофициальные (курка, млеко, яйца). Грабят то есть. Но вот вопрос: кто решится утверждать, что в таких условиях другая армия вела бы себя иначе? И еще вопрос: если в самом деле «крестьяне по сей день помнят эти грабежи», то откуда берутся букеты цветов, постоянно обновляемые у памятника «чудо-богатырям» в Швейцарских Альпах?

Впрочем, теория теорией, а есть предложение ненадолго отвлечься от рассуждений и посмотреть, как ярко проявляло себя «русское варварство» в столкновении с европейской цивилизацией...

Глава II. Звериный оскал России

Господа союзники

Генерал Иоганн Рейнгольд фон Паткуль, лифляндец на русской службе, командующий русским вспомогательным корпусом в Саксонии, крайне докучал курфюрсту Августу и его двору, регулярно информируя Петра I о нежелании саксонцев исполнять союзнические обязательства и, паче того, готовности их при первой возможности выйти из войны, а то и вступить в комплот с Карлом XII против России. Это вполне соответствовало истине, и в конце концов царь, веривший саксонцу, но все же далеко не глупый, изучив ситуацию, приказал Паткулю вывести войска из Саксонии в Россию через Польшу, или, если это окажется невозможным, передать их временно на службу австрийскому императору. Дрезденский гофкригсрат это, однако, никак не устраивало: уход почти 7000 русских солдат лишал их важного козыря в сложных играх с Последним Викингом, а потому, после нескольких безуспешных попыток подкупить или запугать русского генерала, его, заманив в ловушку, арестовали и заключили в крепость Кёнигштайн, назначив командовать корпусом полковника Генриха фон дер Гольца, наемника из Пруссии. Отношение к русским солдатам с этого момента стало откровенно скотским; «расходы на их содержание были урезаны вшестеро, из-за чего мундиры не только солдат, но и офицеров превратились в лохмотья, сапоги стали мечтой, единственное, что по русской привычке содержалось в полном порядке, – это оружие». Письма офицеров корпуса в царскую ставку перехватывались и уничтожались, их депутации было разъяснено, что «они командуют не союзниками, но рабами, почему любые жалобы будут считаться изменой и караться разжалованием, лишением чести и виселицей».

Апофеоз войны

13 февраля 1706 года, во время Северной войны, у Фрауштадта состоялось генеральное сражение русско-саксонских войск со шведами, спустя 45 минут завершившееся переходом французских и швейцарских наемных частей на сторону шведов и паническим бегством саксонцев. Удар драбантов Карла выдержал только левый, русский, фланг. Несмотря на то что полковник фон дер Гольц, бросив своих солдат, бежал и сдался врагу в самом начале боя, под шквальным огнем недавно еще саксонской артиллерии, развернутой против них шведами, русские войска во главе с полковником фон Ренцелем, принявшим командование на себя, сражались до самой ночи, дважды переходя в контрнаступление и разрывая кольцо окружения. Лишь с наступлением темноты, когда стало ясно, что Август II, стоявший с двенадцатью тысячами отборных солдат совсем недалеко от поля битвы, не подойдет (он к этому времени уже поспешно отступал на Краков), Самуил фон Ренцель приказал идти на прорыв. Вырваться из кольца удалось 1920 бойцам (чуть меньше трети), остальные (около 4000), в основном раненые, были взяты в плен и по приказу шведского командующего графа фон Рёншильда поголовно перебиты. «Швейцарцев и французов, – пишет современный шведский историк Питер Энглунд, – тотчас поставили на довольствие, велено было накормить и саксонских солдат, предложив им выбирать, расходиться ли по домам или записаться в шведскую армию, но русским не приходилось ждать никакой милости». В соответствии с приказом графа, солдаты генерала Карла Густава Рооса, назначенного ответственным за экзекуцию, окружили пленных. Затем, согласно воспоминаниям очевидца, «около 500 варваров тут же без всякой пощады были в этом кругу застрелены и заколоты, так что они падали друг на друга, как овцы на бойне, так что трупы лежали в три слоя». После прибытия на место самого Рёншильда акция стала более упорядоченной – солдаты Рооса уже не стреляли и не кололи наобум, а укладывали обреченных на землю «сэндвичем» и прокалывали штыками по трое зараз. Только небольшая часть «объятых ужасом русских, укрывшись среди саксонцев, попытались избежать такой судьбы, выворачивая мундиры наизнанку, красной подкладкой наружу». Но их хитрость была разгадана, и, как рассказывает еще один очевидец, «генерал велел вывести их перед строем и каждому прострелить голову; воистину жалостное зрелище!». Вместе с солдатами были убиты и офицеры, в том числе несколько немцев, в ответ на предложение Рёншильда отойти в сторону и перекусить ответивших по-немецки: «Нет, среди нас нет немцев, мы все – русские». Точное количество перебитых пленных неизвестно, оценки исследователей колеблются на уровне 4000 плюс-минус, но известно, что шведские офицеры, съехавшиеся поглазеть, оживленно комментировали происходящее, аплодируя особо удачным ударам. «Забыв о своем бедственном положении, – вспоминает Томас Аргайль, шотландский капитан, бывший вместе с русскими и взятый в плен раненым, – я решился приблизиться к фельдмаршалу и именем Господа напомнить ему о человечности и законах войны. Снизойдя до ответа, сей рыцарь снегов объяснил мне, что ни человечность, ни законы войны не распространяются на животных, каковыми были, есть и останутся русские. Впрочем, добавил он, если на то есть мое желание, я могу разделить их участь. Признаюсь, малодушие мое возобладало над совестью, и я предпочел умолкнуть».

О, эти русские...

А потом было потом. Из тех солдат, которым посчастливилось уйти из-под Фрауштадта, был сформирован полк под началом Самуила фон Ренцеля (никому другому солдаты не подчинялись «даже и под угрозой порки и расстрела»), В августе 1706 года саксонская армия, так больше и не попытавшись драться, отступила в Австрию, где и была интернирована, однако русский полк отказался сложить оружие. После чего фельдмаршал фон Шуленбург «сложили с себя всякую ответственность за русских», а курфюрст Август заявил, что «русские должны быть переданы для удовольствия его величеству Карлу, коль скоро он того настойчиво требует». На офицерском совете было решено пробиваться в Россию, «хотя бы союзники и станут тому препятствовать». Этот поход длился шестнадцать месяцев, согласно рапорту, «через разные тракты через Бранденбургскую и Цесарскую землю того ради, что в Саксонии и в города пускать не стали и провианту не дали вовсе». Позже за проявленную доблесть полковник фон Ренцель был произведен в генерал-майоры, а потом и в генерал-лейтенанты, затем отличился героизмом при Полтаве и принял участие во взятии Риги. Иоганн Рейнгольд фон Паткуль, более года просидев под арестом и наотрез отказавшись перейти на службу к Августу, был, согласно сепаратному Альтранштедтскому миру и вопреки многократным протестам Петра, передан шведам и по приказу Карла «как изменник Европе» колесован и четвертован. Фельдмаршал фон Рёншильд и генерал Роос за Фрауштадт были награждены по-королевски, затем оба попали в плен под Полтавой (причем генерал – о судьба! – пленен лично Самуилом фон Ренцелем). Оба прошли по улицам русской столицы во время триумфального шествия, устроенного Петром I в ознаменование победы, оба получили солидный пенсион «на проживание» и оба благополучно вернулись домой: фельдмаршал в 1718-м, по «особой просьбе шведского правительства во имя человеколюбия», а генерал в 1721-м, после заключения Ништадтского мира. Правда, до родного Стокгольма Карлу Густаву Роосу добраться все же не удалось: заболев по пути, он умер в Або, так и не повидав семью, но оставив путевые заметки, вскоре изданные под названием «Воспоминания доброго и честного шведского солдата о храбрых сражениях, горестном пленении и ужасных муках, испытанных им, а также его друзьями, в стране жестоких диких варваров».

Впечатляет? Меня, не скрою, тоже, когда узнал – передернуло. А ведь это, прошу учесть, один из самых щадящих примеров. Впрочем, вернемся туда, откуда свернули – к Венскому конгрессу, «жандарму Европы» и так далее.

Глава III. Похвальное слово жандармерии

Собственно говоря, сложно понять, какие претензии могут быть к жандармам и почему «жандарм» – это плохо по определению. Если только потому, что так считал Александр Герцен, обитавший в Лондоне на средства Форин Офиса и выплюнувший сей афоризм на полосу своей газеты, издаваемой там же и на деньги той же организации, то меня это уже не убеждает. Больно уж мутной фигурой был Александр Иванович и слишком уж – не менее нынешних профи-либералов – ненавидел Россию. А если рассуждать здраво, так ведь, напротив, любой жандарм миролюбив по определению, поскольку его функция не война, а охрана правопорядка. Однако начнем сначала. Вспомнив, что в конце 1812 года, когда Великая Армия уходила (вернее, убежала) из России, всем мало-мальски разумным людям в верхах было понятно: в Европу идти не надо. По той простой причине, что без русских войск добить Наполеона было невозможно, а добивание Наполеона (и, соответственно, выведение Франции – хотя бы на время – из ряда великих держав) усиливало Англию и Австрию, создавало предпосылки для усиления Пруссии, но России решительно ничего не давало. Напротив, сохранение Империи в ослабленном виде автоматически превращало СПб в «европейского арбитра». Об этом государю твердили все, мало-мальски умевшие смотреть дальше, чем на два шага вперед. Даже Кутузов на смертном одре, во время последнего свидания, когда царь просил у него прощения, просил в ответ одного: не пересекать западные границы Империи. Александр, однако, поступил по-своему. Почему? Точного ответа мы не узнаем никогда. Основное мнение: личная ненависть царя к императору (было за что). Лично я убежден, что дело было куда серьезнее, ибо Александр, если и не был – есть основания для таких подозрений – агентом (и хорошо, если только влиянием) Англии, то во всяком случае англичан, погубивших отца, боялся, в связи с чем старался не идти против воли Вестминстера. Но этот вопрос сейчас не так важен. Важно, что Наполеона добились, после чего на повестку дня встал вопрос послевоенного устройства взбаламученной Европы. То есть о создании Священного Союза.

По сути дела, организация эта была предтечей нынешнего Европейского Союза, некоей попыткой создать – только от имени не суверенных наций, а просто суверенов – наднациональный орган (без явного гегемона), который обеспечивал бы континенту мир без войн и порядок без революций с их гильотинами и незаконными переделами собственности. Суть договора заключалась в том, что все подписанты являются гарантами порядка, обязываются совместно (или кому ближе) подавлять попытки изменения государственного строя насильственным путем и решать спорные вопросы без войны, переговорами и арбитражем. Несколько лет так оно и было. В частности, «революционные» вспышки в Испании, Пьемонте и Неаполе были подавлены, соответственно, французами и австрийцами. Подавлены с беспощадной, так сказать, азиатской жестокостью. И никто никого при этом почему-то «жандармом Европы» не обозвал. Напротив, рукоплескали. Россия к этим акциям никакого отношения не имела. Более того, когда в 1821 году в православных Дунайских княжествах началось очень серьезное восстание против Турции, а русский генерал Ипсиланти (по собственной инициативе) начал восстание за освобождение Греции, Россия не просто не поддержала эти движения, а приняла жесткие меры по нейтрализации «этеристов». Хотя, с политической точки зрения, поддержать румын и – особенно – греков ей было не просто выгодно, но очень выгодно, а формально препятствий не было (Османская Империя пакта не подписывала), Россия не считала возможным действовать вопреки договору.

«Цивилизованные», однако, такой щепетильностью не страдали. Пока Николай, вопреки своей и Империи пользе, отвергая многочисленные просьбы греков и румын о помощи, гарантировал Турции невмешательство Европы в ее дела, Европа, поправ всяческие договоры, решала свои вопросы. Австрия, угрожая войной, выдавила из Стамбула преференции в Дунай-

ских княжествах, а Англия, пользуясь глупой принципиальностью России, «перехватила» на себя греков, начав аккуратно спонсировать их восстание. В итоге когда Греция все-таки стала независимой, она ориентировалась уже не на Россию, а на Англию, а лидеры пророссийской партии были просто и без затей перебиты – как показывают исследования, не без английского влияния. Более того. В 1830-м произошло сразу несколько событий. В июле во Франции случился бунт, поставивший точку на династии Бурбонов, а в конце августа бельгийские сепаратисты отделились от Нидерландов. Это были вопиющие нарушения принципов Священного Союза. Но отреагировала соответственно только Россия (знаменитое: «Господа, седлайте коней, во Франции революция»). Для Европы, как выяснилось, выгода опять оказалась важнее подписанных договоров. Луи-Филипп быстро убедил Лондон, что готов вести Францию в британском фарватере (хотя не исключено, что они его к власти и привели), а бельгийцы согласились принять в качестве короля английскую кандидатуру (хотя, опять же, возможно, они интригу и затеяли). После чего переворот во Франции как бы перестал считаться переворотом, а Нидерландскому королевству (одному из подписантов Священного Союза) Лондон и Париж не просто предложили заткнуться, но и помогли бельгийцам (англичане финансами, а французы войсками) утвердить свой новый статус. В итоге Россия не стала лезть в пекло вообще уже непонятно ради чего, а англичан и французов, кроивших по своему усмотрению те границы, нерушимость которых они как бы обязались защищать, никто не назвал «жандармами Европы».

По сути, в результате всего этого уже к 1831-му Священный Союз, никем не отмененный официально, существовал только на бумаге. Все решали актуальные для себя проблемы, исходя из соображений собственной выгоды. И только нехорошая Россия сохраняла верность принципам и данному слову. Как ни странно, опять-таки вопреки собственной выгоде. В 1833-м, например, случился 1-й Египетский кризис, когда Мухаммед-Али, паша Египта, фактически уничтожив султанскую армию, вышел на ближние подступы к Стамбулу. Он был мудр и хитер: он заручился согласием Англии, Франции и Австрии, обещав им после – как виделось, уже неизбежной – победы жирные куски, и державы отказали султану в помощи. Кроме России. Мухаммед-Али предлагал ей (только за невмешательство) Дунайские княжества, Румелию (Болгарию и Македонию), базу в Стамбуле, то есть контроль над проливами, а также всю Армению и Колхети до Трабзона. И никаких нарушений! – ведь Порты, повторю, документы Священного Союза не подписывала. Но принципы, принципы! Николай отказался. Русский флот вошел в Босфор, русская армия заняла позиции в Анатолии, и египетский паша был вынужден примириться с султаном, Европа осталась с носом, а Николай вывел войска, ничего, кроме выгодного договора, не попросив взамен. Такая же схема повторилась и в 1839 г., во время 2-го Египетского кризиса. Только на этот раз Европа повела себя умнее: Лондон, Вена и Париж в нужный момент «кинули» египетского пашу, забрав у султана все, что хотели, и только Россия по-прежнему осталась глупо принципиальной. Что характерно, «жандармом Европы» по-прежнему никто никого не называл.

Глава IV. Принуждение к миру

Быть свободным! Быть мадьяром!

В феврале 1848 года Европу накрыло. Все скелеты полезли из шкафов галопом. Во Франции грянула революция – причем не верхушечная, а «снизу», и довольно радикальная, «король-груша», послушный английский протезе, бежал из страны, и Лондон ничем не смог ему помочь: на Острове тоже не все было просто, так что перехватить инициативу британская агентура в Париже сумела лишь много позже. В Берлине и по всей Германии покатались мятежи, заволновались поляки прусской Померании (их, кстати, подавили огнем на поражение, но обзывать Берлин «жандармом» никто, разумеется, не подумал). Однако хуже всего пришлось лоскутной Австрии. Там полыхнуло и в Праге, и даже в самой Вене – но самым опасным для Дома Габсбургов стал сепаратистский мятеж в Венгрии, на тот момент вдвое большей, чем ныне. К слову, как выяснилось позже, на раскрутку венгров несколько лет до того подбрасывал деньги все тот же Лондон (на всякий случай, как всегда), но в создавшейся ситуации сэры и пэры решили все же не очень рисковать. И когда грянуло, ограничились сочувственным молчанием, хотя революционная элита, тесно с ними связанная, просила большего. Революция, надо сказать, была демократическая донельзя. «Истинные патриоты Венгрии» – Миклош Вешшелени, Михай Танчич (этнический хорват), Дьёрдь Аппони, Лайош Баттяни, Лайош Кошут (этнический словак), Шандор Петефи (тоже этнический словак) – твердо стояли за упразднение пережитков феодализма, но главное – за «национальную автономию». Хотя очень скоро сей лозунг обернулся требованием «национального государства».

И вот тут-то возникли нюансы. Действительно, в руководстве Империи немцы занимали очень солидное, можно сказать, непропорциональное удельному весу место, и действительно, проблема местного самоуправления давно назрела и перезрела. Пикантность ситуации, однако, заключалась в том, что вопрос этот беспокоил не только мадьяр и чехов. Того же, естественно, хотели и «малые нации» – хорваты, румыны, словаки и, наконец, «русские», не столь уж далекие предки тех, кто ныне именует себя украинцами. Обитали эти «пробуждающиеся нации» – так уж вышло – в границах исторически сложившегося Венгерского королевства, но, в отличие от венгров, посылавших депутатов в сейм и наделенных некоторыми привилегиями, считались, да и были, никем и ничем – притом, что составляли, на круг, примерно две трети населения земель короны Святого Иштвана. Ясно, что воплощение в жизнь принципа национального равноправия мгновенно лишило бы венгров лидерства и гегемонии, в связи с чем депутациям «братьев меньших» из Хорватии, Словакии, сербской Воеводины и румынской Трансильвании, явившимся в Буду делить пирог свободы, был дан жесточайший отлуп. Наглецам подробно объяснили, что и революция венгерская, и демократия венгерская, и земля, на которой они по недоразумению живут, тоже, натурально, венгерская. В связи с чем превращение «недоразумений» (именно так!) в «добрых, полноправных венгров» весьма приветствуется, а вот за глупости – чай, не при старом режиме живем – отвечать придется по самым справедливым законам военного времени. Именем великой венгерской нации. Что интересно, наиболее усердствует в таких объяснениях тот самый Шандор Петёфи, в девичестве стопроцентный словак Александр Петрович.

Горячие точки

Реакция униженных и оскорбленных понятна. Против мадьяр поднимается Хорватия: ее бан, Йосип Елачич, требует равенства с венграми и немцами, и Вена мгновенно откликается: будет вам равенство, только помогите. В Воеводине берутся за ружья сербы, куют косы на пики словаки, но самая крутая каша заваривается в Трансильвании ака Семиградье. Там вообще дико. Там всякой твари по паре.

Княжество – так получилось – в свое время вылетело из состава Венгрии под власть непосредственно имперской короны и в этническом смысле превратилось в адский котел, где смешались католики-немцы, православные-румыны и венгры, как обычные, так и полукочевые, именуемые секеями, – в основном кальвинисты. При этом на примерно 1,3 миллиона румын приходилось где-то 600 тысяч венгров и тысяч двести немцев, но в Диете – сейме княжества – «официальной нацией» не признавались, считаясь «испорченными венграми». Насчет языка, прав, даже песен не было и речи, образованные румыны либо «уходили в венгры», либо спивались в нищете. Как любили румыны венгров, да и немцев, видимо, понятно. «Четыре племена, – писал позже в дневнике русский офицер Павел Гримм, – столь разнородные, жили на таком тесном участке земли, чураясь друг друга. Несколько сот лет не могли их сблизить: сосед не узнал языка соседа, ни разу не породнился; один и тот же город называется каждым племенем по-своему. Такие отношения, конечно, породили вражду, недоверчивость, презрение или ненависть одного народа к другому». Так что после первой вспышки надежд (а вдруг теперь все изменится?) румынам стало ясно: ловить нечего. Правами «чужаков» наделять никто не собирался, земель – тем паче. И вот в таких условиях Диет – голосами венгров и примкнувших к ним немцев (а никого больше там и не было) – принял акт о «воссоединении с Матерью-Венгрией».

Ну, и... Уже ранней весной румыны созвали Великое Собрание, собственный «парламент», и будущий известный политик, а тогда еще просто студент Симион Бэрнуциу, выступив с прочувствованной речью о славе Рима и славе Дакии, заявил делегатам, что «румынская нация не хочет властвовать над другими, а желает иметь равные права со всеми». Это понравилось – кому ж не понравится быть потомками и даков, и римлян? – и народные представители единогласно присягнули на верность «императору Австрии и великому князю Трансильвании» Фердинанду и румынской нации, поклявшись защищать ее от «любого нападения и угнетения», по ходу объявив мадьяр, секеев и немцев «тиранами». Из Вены мгновенно прилетело «да». А тем временем в деревне уже делили землю. Естественно, мадьярскую, ибо других помещиков в крае не имелось, и еще естественнее, что посланный гасить бунт в зародыше отряд секеев, не ограничившись порками, вырезал от мала до велика несколько деревень. Шутки кончились. Когда из Буды пришел приказ набирать рекрутов в революционную армию (что предстоит драться, понимали все), румынские села начали создавать отряды самообороны, куда влились и «границары» – нерегулярные войска, охранявшие кордон, скорее таможенники, чем пограничники. Православное, униатское и лютеранское духовенство благословило ополченцев «биться честно за императора и князя», вскоре поддержали румын и немцы, которых мадьяры, используя, выбросили из Диета, лишив всех прав. Второе Великое Собрание, вошедшее в историю как «ружейное», поскольку делегаты-румыны собрались при огнестреле, объявило правительство Венгрии «террористами», уполномочив молодого адвоката Аврама Янку создавать «румынскую армию» и присвоив ему звание генерала.

Священное поле

Это уже война. Вена изнывала в восторге: немецких рекрутов просто не хватало, а чешские были не очень надежны и использовались главным образом в Италии. Кайзер издает указ об уступках «верным народам короны», и у венгров начинаются серьезные сложности. Но с этим они справляются. У них есть деньги (и сами скинулись, и казну вскрыли, и Лондон втихую подкидывает, о чем позже Вена будет кричать на всех перекрестках), у них хорошая профессиональная армия плюс «гонвед» (ополчение, куда записывают добровольцев с военным опытом) – и они атакуют. Горят словацкие села, горят хорватские села, в Трансильвании вдоль дорог стоят «леса виселиц» с «плохими» румынами. Попытки сопротивляться, как правило, неудачны: ополченцы всего лишь крестьяне, а «граничары» только таможенники. Разгромив «румынскую армию» под Регином, секеи сожгли город, перебив всех мужчин. Под Тырнавой перекололи штыками несколько сотен пленных, а заняв город – очевидно, во имя «национальной демократии», – расстреляли уже и большинство женщин. В ответ озверевшие румыны, ранее крови особо не жаждавшие, сровняли с землей венгерский городок Златну. И было ясно, что все только начинается, а венгры всерьез настроены побеждать. Во всяком случае войска кайзера терпели одно поражение за другим. И тогда император – уже не Фердинанд, отрекшийся от престола, а наследовавший ему юный Франц-Иосиф, вернее его правительство, – обращается за помощью к Николаю Павловичу, апеллируя, естественно, к соответствующим статьям Священного Союза.

В Петербурге, однако, спешить не стали. В ответ на запрос императора, стоит ли вмешиваться, военный министр Чернышев идею не одобрил, протестуя против самого факта вмешательства во внутренние дела соседей. «Вступление войск наших, – указал он, – не вынуждено крайней необходимостью, неминуемо затруднило бы общие в Европе политические отношения и могло бы послужить на будущее время поводом к подобному вмешательству во внутренние дела соседних государств». Примерно в том же ключе высказался и фельдмаршал Паскевич (высший для Его Величества военный авторитет), честно сообщив: дескать, австрийцы «хотят, чтобы Ваше величество соизволили всю тяжесть войны взять на себя», на что государь изволил ответить в том смысле, что «Коли так, входить в Трансильванию нет причины. Это дело прямо австрийцев... Когда все дело ими же испорчено, было бы до крайности глупо исправлять русской кровью их ошибки». Тем не менее русская разведка, весьма активно работавшая, присылала доклады, изобиловавшие жуткими деталями. «Немецкое и валашское население, – доносил агент Дюгамель, – пылко объединились вокруг австрийского знамени, в то время как секеи признают только приказы Пешта. Враждебные действия начались с обеих сторон... Там, где валахи наиболее сильны, они учиняют неслыханные жестокости по отношению к венграм; венгры, со своей стороны, вырезают валахов повсюду, где последние находятся в меньшинстве. Это ужасающая расовая война. Секеи, хотя по численности и уступают валахам, привычны чуть ли не с раннего детства к ремеслу, связанному с оружием, и гораздо воинственнее последних». По всем донесениям получалось так, что единственная надежда у мирного населения только на Россию, о вмешательстве которой проводили молебны в румынских церквях и немецких кирхах. В декабре 1848 года полковник Непокойчицкий квартирмейстер 5-го корпуса, съездив на разведку к соседям, докладывал: «Повсюду в Трансильвании с нетерпением ожидают русские войска, и спасения ожидают только от нашей вооруженной интервенции». Через границу волной потекли беженцы, и Петербург, по-прежнему храня молчание, приказал принять меры. После чего, – «не войны ради, но ради защиты мирных домов и жизней обывателей», – в Венгрию вошел не слишком большой (6 тысяч штыков и сабель) отряд генерал-майора Энгельгардта и полковника Скарятин, быстро зачистивший от вольных секейских банд уезды Брашов и Сибиу. «Наших солдат, – рапортовали командиры, – встретили с распростертыми объятиями,

вышли навстречу им с хлебом и солью... Большое число немецких и валашских эмигрантов, готовых перейти границу, поспешили вернуться к своим очагам». Однако на подмогу революционерам из Матери-Венгрии подоспели войска под командованием опытного польского мятежника Юзефа Бема, имевшего свои счёты с Россией, и после поспешного отступления австрийцев русские, хотя и не побежденные, были вынуждены отступить, а тон молящего о скорой помощи Франца-Иосифа стал вообще истерическим.

Миротворцы

И вот вопрос: что делать в такой ситуации России? Ежели по уму, так расклад для нее настолько выгоден, что подобное порой и за сто лет не бывает. Она может ВСЕ. Ни Англия, ни тем более Франция не вякнут. Ей самой революция не угрожает. Даже в Польше: перепуганные прусскими расстрелами поляки сидят тише воды, ниже травы. Венгры нащупывают возможность переговоров: они, конечно, республиканцы, но готовы принять одного из великих князей в качестве конституционного короля. Аккуратно интересуются и чехи: они, конечно, лояльны Вене, но ежели СПб не станет возражать, тоже хотели бы стать хоть немножко независимыми, разумеется, с русским великим князем в роли короля. Вена пугает: дескать, независимая Венгрия рано или поздно подпалит Польшу. Но кроме того, не веря в бескорыстие, предлагает за помощь золотые горы: хотите Галицию со Львовом и даже Краковом – берите, хотите Дунайские княжества – вводите войска хоть сейчас, только спасите. Излишне говорить, что развал Австрийской Империи на два государства – Австрию и Венгрию – вообще-то сверхвыгоден России, получающей в итоге на западной границе вместо одного мощного и недоброго (ибо масса интересов пересекается) соседа двух, каждый из которых сам по себе России не противник (да еще и люто враждующих между собой). Опять же, православные Молдова с Валахией, почитай, в кармане, Львов, где «русофилы» плачут в предвкушении, – тоже, а насчет «подпалит Польшу» – так это еще бабушка надвое, если не натрое – сказала. Но принципы, принципы! Николай отвергает идею Нессельроде устроить «концерт», и в мае 1849 года наконец отдает приказ, после чего войска двумя крыльями, – переходят границу. При первых же вестях о случившемся «революционная» венгерская пресса взрывается шквалом истерики насчет «казачьих нагаек» и «варварских зверств славян» – но в Венгрии никаких насилий и расстрелов нет, а в Трансильвании русские войска встречают колокольным звоном, цветами и вином, а много где и крестными ходами. «Жители Германштадта, – писали участники похода, – вышли навстречу в село Шелемберг, откуда много народа и много экипажей провожало нас до города. Там встречала нас музыка. Из окон осыпали нас венками цветов. Это триумф на манер Римского, но и это не идет в сравнение с любовью к нам в Галиции».

Собственно, на том все и кончилось. Непобедимый до сих пор гонвед пришел в норму очень быстро. Венгерский командующий Артур Гергей, потратив два месяца на маневры, так и не посмел сразиться с Паскевичем, в конце концов, сдав армию при Вилагоше. Реальная кровь пролилась только в Трансильвании, где бой Лидерсу дал фанатик Бем, однако и он, разбитый под Германштадтом и Шегешваром, ушел в Турцию, где вскоре принял ислам. «Революционеры» – кому не повезло – пошли на виселицу, кто успел – исчез, вскоре всплыв почему-то в Лондоне, а Вена, вернув контроль над всей территорией Империи, понемногу начала реформы. Видимо, по инерции в Петербург посылают подтверждение на предмет готовности к конференции о судьбе Дунайских княжеств и передаче «Галиции с Лембергом, но желательно все же без Кракова», однако Россия выводит войска, отказавшись (принципы, принципы!) от всяких оплат и компенсаций, как «не предусмотренных статьями Священного Союза». Разве что в качестве трофеев Николай забирает только знамена дивизий, капитулировавших у Вилагоша.

Международное сообщество

Далее все пошло как положено. Венгры спустя какое-то время замирились с Веной и зажили дружной Австро-Венгрией, навеки обидевшись на Россию. Румыны по чуть-чуть и не без помощи России доползли до независимости, сразу после того развернувшись к Парижу передом, а к Петербургу задом. Но это было уже намного позже. А всего четыре года спустя после описанных событий Турция объявляет о превращении Дунайских княжеств из «умеренно независимых» государств в обычные вилайеты с прямым управлением из Стамбула. Это вопиющее нарушение статей Священного Союза, примерно, как образование Бельгии, но на сей раз напрямую нарушающее интересы России. Следовательно, *casus belli*. Ясно, что турки обнаглели не сами по себе. Ясно, что проект не турецкий, а англо-французский (Англия из кризиса уже вышла, во Франции установилась Вторая империя, и, на их взгляд, Россию надо бы обуздать, а то чересчур сильна стала). В СПб все это понимают, учитывают даже возможность столкновения, но не сильно напуганы. Сил достаточно, а западная граница спокойна: Австрия-то по гроб жизни благодарна, что и официально подтвердила, заявив о строгом нейтралитете. Увы. Сразу после высадки в Крыму англо-французского десанта Вена мобилизует войска, стягивает их к российской границе и вводит несколько дивизий в Молдову и Валахию, вытеснив русские гарнизоны. Ответ на запрос с берегов Невы входит в историю дипломатии: «Австрийская Империя имеет намерение действовать в своих интересах, удивив мир величием своей неблагодарности». С этой минуты Священный Союз – кстати, по сей день официально никем так и не денонсированный – мертв. Эпитафией ему можно считать эпическую фразу Николая Павловича: «Самым глупым королем Польши был Ян Собеский. Он спас Австрию. Но я еще глупее, поскольку ничему на его примере не научился».

Осталось, наверное, добавить, что к тому времени вся «просвещенная публика» и в клубах, и в пабах – уже именovala Россию, «запятнавшую себя позорным подавлением венгерской революции», не иначе как «жандармом Европы». Ярлычок быстро прижился, и не только потому, что был – из песни слова не выкинешь – хлесток. Он еще и пришелся к месту: над Европой веяли новые ветры, от позиции «общественности» начинало зависеть многое и обойтись, как в старые добрые времена, только желанием высшего света было уже довольно затруднительно. Приходилось понемногу учиться «формировать мнение», что, безусловно, было не так просто, как, скажем, лет за шестьсот до того, когда противостояние «цивилизованного мира» с еще даже не Россией, а просто русскими только начиналось...

Глава V. Интервенция

В общем, все дело, конечно, было в элементарной конкуренции. Европа (вернее, католический мир) стремилась расшириться. Где-то это получалось легко, где-то не без труда, а где-то движение и замирало, столкнувшись с преградой. А поскольку преграда в этом случае, естественно, ломала планы Абсолютного Добра, она столь же естественно становилась в его, Абсолютного Добра, понимании Абсолютным Злом. Как, например, случилось в начале XII века от Р. Х. в тогда еще «ничейной» Прибалтике...

Соседушки

Это сейчас посмотришь в сторону «суверенной» Эстонии – и смешно. А тогда, на рубеже X–XI веков, когда у народа, именовавшего себя эстами, случился всплеск, говоря словами Гумилева, «пассионарности», были они теми еще булочками с изюмом. По факту, предки будущих ветеранов СС заняли на берегах серого моря место, освобожденное норманнами, которые уже в вик почти не ходили, благополучно выйдя в солидные, всей Ойкуменой уважаемые наемники-варанги, а то и сицилийские доны. Были эти эсты уже не совсем дикие, голышом не бегали, промискуитет не культивировали и даже имели шесть княжеств – не княжеств, но вроде того – именовавшихся «маакондами». Но жить рядом с ними удовольствия не доставляло. Ибо грабили все, что по морю плывет и по земле бродит, не глядя (берсерки, да), с кем имеют дело. Хоть шведы, хоть Русь – без разницы. С Русью, правда, шутки были коротки. Князь Ярослав с ними своей мудростью поделился, построив вслед за тем город Юрьев, чтобы гарнизон присматривал за поведением воспитуемых. Те поняли и слегка притихли. Зато мелким племенам неэстийского происхождения – ливам, латгалам и прочим куршам – приходилось крайне несладко. Доведенные до полного отчаяния таким соседством, обиженники искали помощи у тех же русских. По их просьбе и с их согласия полоцкие князья выстроили на берегах Двины два укрепленных городка, Кукейнос и Герсик, князьям которых (младшие сыновья полоцких младших сыновей) окрестные племена платили умеренную и вполне посильную дань. Эстам, однако, было плевать и на русских. Они ощущали себя круче некуда, доказывая это при первой возможности. Хотя, как правило, себе же на голову. В 1176-м «вся чудь земная приходила под Плесков» со смелым планом взять город под себя, но, естественно, получила по ушам и «ушла с великим уроном». В 1190-м история повторилась: «многая чудь водою пришла», однако на сей раз, если верить псковским летописцам, вообще «ни един чунец вживе не ушел», однако другому отряду эстов, атаковавшему параллельно, удалось захватить Юрьев, который псковичи и новгородцы смогли отбить только спустя год и общими силами, устроив вслед за тем прогулку по маакондам, «полону уведя без числа».

Но только в 1192-м, когда псковичи, играя на добывание, вновь опустошили Чудскую землю и забрали у эстов городище Медвежьё Голову, лихие парни слегка образумились и начали исправно платить дань, не неся, впрочем, никакого убытка, поскольку все уплаченное с лихвой возмещалось добычей, регулярно отнимаемой у ливов, латгалов и прочих. Кроме, естественно, находившихся под крышей Полоцка. А жизнь между тем готовила беспределу цикам урок и науку. Поскольку помимо Руси, шведов и ливов с латгалами была, на их беду, еще и Западная Европа, где истерически не хватало земли, и поэтому младшие сыновья очень не любили язычников, землей располагавших – тем паче под боком.

Мигранты и оккупанты

Первый человек с мандатом, вернее патентом на будущее епископство, – миссионер Мейнгард – высадился на берега пустынных волн в самом конце XII века. Однако успеха не стяжал, разве что шпротами угостили, но слушать не стали. На смену незадачливому неумехе пришел новый, более серьезный кандидат в апостолы, Бертольд – уже не только с крестом, но и с мечом. Сразу убивать его опять-таки не стали, но когда стало ясно, что батюшка просто так не отстанет, пришлось. Третьим назначенцем на перспективное, но проблемное место стал в 1199-м бременский каноник Арнольд – и вот тут-то все совпало: попик, хоть и совсем молодой, с места в карьер проявился дико энергичным и, как модно говорить, крайне эффективным менеджером с задатками административного гения. Основав сразу по прибытии в устье Двины город-крепость Ригу, он начал всеми правдами и неправдами заманивать в будущее «Царство Небесное» немецких колонистов, не обращая внимания на качество будущих подданных. Всем им, чем бы они ни занимались дома – хоть с петли сорвавшиеся, хоть с костра снятые, – специально выхлопотанная у Папы булла гарантировала отпущение всех грехов, а епископ – нижайшие налоги желающим землю, не желающим же пахать – все возможные городские вольности. Следующим креативом стало основание ордена «Братьев Христова рыцарства», в просторечии, из-за алых мечей на эмблеме, «меченосцев». Единственный среди всех такого рода, этот орден не подчинялся напрямую Ватикану, а считался вассалом епископа Риги, получив в пользование треть всех земель епископства, и был очень, так сказать, легким на подъем. Во всяком случае его первый магистр, Винно фон Рорбах, потерял голову на плахе в итоге какой-то внутренней склоки, чего вообще-то в организациях такого плана не случалось никогда. В общем, когда в Полоцке, как бы гегемоне окрестностей, сообразили, что новые пришельцы могут быть реально опасны и собрались наконец принимать меры, оказалось, что боржоми пить поздно. Уже в 1203-м русские войска, пришедшие наводить порядок, так и не сумев взять крепость Гольм, ушли восвояси несолоно хлебавши, а ливы, почуяв новую силу, способную усмирить соседей, пошли креститься толпами (их князек Каупо даже вошел в орденские хроники как «образцовый новый христианин»), С этого момента начались «весенние» походы против язычников. Сперва против латгалов, которых сломали очень быстро (всего через два-три года) меченосцы, прогнав из Кукейноса и Герсика полоцких вассалов, Вячеслава (Вячко) и Всеволода Борисовичей. Затем пришел черед «ближних» эстов из мааконда Уганди. Однако ни «дальние» эсты, которых просили о помощи угаласцы, ни новгородцы, которых просили о том же полочане, увлеченные традиционными драками на меже, на происходящее внимания не обращали. А зря.

Евро стандарт

Укрепившись в Ливонии и Латгалии, меченосцы понемногу расширяли *lebensraum*, ставя на занятых землях каменные замки, покорившихся крестя, противящихся крепостя, а самых непокорных туземцев обнуляя вместе с семьями. Война становилась все более ожесточенной, что, учитывая социальный состав «воинов Христовых» с одной стороны и нравы аборигенов с другой, даже не удивляет. «Они убивали мужчин, и женщин, и детей, – со скромной гордостью сообщает Генрих Латвийский, – во всех деревнях и местах, и убивали тех, кого они нашли, с утра до вечера... пока уставшие руки не обессилели от избиения». Эсты, естественно, в долгу не оставались, в связи с чем быстро прослыли «бессердечными дикарями», каковыми, впрочем, считались и до того, однако против «железных людей» устоять было сложно, и к 1209-му большая часть мааконда Уганди оказался во власти людей епископа, а его крепость Отепя превратилась в орденский замок. Дальше больше. В 1210-м агентура Альберта достигла серьезного успеха и на полоцком направлении. Между Ригой и князем Владимиром Мстиславичем был заключен договор о дружбе, а через пару лет – еще один, фактически поставивший княжество в зависимость от епископства. После чего Псков и Новгород, осознав, что шутки кончились, зашевелились. Князю сперва пришлось бежать в Ригу к зятю (он успел выдать дочь замуж за епископского брата), затем, когда там оказалось плохо, каяться перед псковичами. Немцы же тем временем заявили в новгородские земли, захватили Медвежью Голову и поставили там замок Оденпе. В 1214-м русские ответили адекватно и пропорционально, однако штурмовать Ригу, где собрались все уцелевшие немцы, учитывая мощь ее каменных укреплений, не решились. В конце концов, в начале января 1217 года дело кончилось битвой, где меченосцам досталось так здорово, что им пришлось вернуть не только Медвежью Голову, но и Вильянди, признав местных эстов данниками Пскова и Новгорода. После чего раскачались наконец и горячие эстонские парни, лишь к этому времени сообразившие, что их скоро будут бить, а помочь почему-то никто не хочет. Из числа вменяемых, мысливших по-новому старейшин выдвинулся и лидер – весьма харизматический старейшина Лембиту из мааконда Сакала, имевший уже опыт серьезных побед над «железными людьми» в крупной битве на реке Юмере (1210-й) и разорения орденских укреплений. Связавшись с русскими, он объяснил им, что эсты теперь хорошие и все понимают, принял участие в «январской победе» и, став после того непрекаемым авторитетом во всех континентальных маакондах, предложил план общего похода на Ригу, чтобы сбросить немцев в море раз и навсегда. Идея пришлась по нраву. Возможно, какие-то уважаемые люди и не были в восторге, предвидя рост влияния коллеги Лембиту, но определяли ситуацию не они. Летом 1217 года севернее крепости Вильянди, что на берегу реки Навести, начали собираться дружины из Сакала, Харьюмаа, Ярвамаа, Рявала, Вирумаа, Ляанема – всего в итоге около 6000 человек, по тем временам и местам – огромная сила. Не пришли только из Уганди, где немцы навели такой порядок, что и мышь опасалась пискнуть, да еще островитяне, на которых очень надеялись, видимо, решив, что дела тех, кто за водой, их не касаются. Зато гарантировали приход новгородцы и не отказались от участия в кампании псковичи. В такой ситуации Альберту оставалось только играть на опережение.

Большая стрелка

Были ли у эстов Лембиту хоть какие-то шансы? Не знаю. Нет, наверное. Слишком мощная машина уже крутилась, и им, попавшим в жернова истории, по большому счету, ловить было нечего. Даже Ригу взять, скорее всего, не сумели бы. Но раскрученному проекту Альберта тяжелые на руку мужики, очень похожие на героев саг, вполне могли навредить, и очень сильно. На счастье немцев, разведка у епископа, следует признать, была поставлена отменно. Получив вести о намерениях Лембиту и сборе «варварского» ополчения, он немедленно собрал всех, кого мог (меченосцев, «гостей ордена», горожан), придал им в помощь многочисленные отряды крещеных ливов и латгалов (для этих эсты были почти как в будущем ацтеки для таскаланцев) и послал их на перехват, приказав магистру любой ценой дать бой «дикарям» до подхода «русских еретиков». Всего набралось 3000 бойцов, в том числе человек 700–800 немцев, включая примерно две сотни тяжелой конницы, меченосцев, «гостей» и народа попроще. С такой силой можно было не только надеяться на победу, но и верить в нее. В день святого Матвея – 21 сентября 1217 года, – двигаясь тремя параллельными колоннами в направлении крепости Вильянди, крестоносцы (3000 бойцов, в том числе до трех сотен «железных людей») вышли к лагерю Лембиту около местечка Пярсти. Внезапности не было, оба войска имели возможность выстроиться в боевые порядки, после чего немецкая тяжелая конница (сотни две, может быть, чуть-чуть больше), выстроившись «свиньей» и прикрывая в «желудке» кнехтов, ударила в центр ополчения маакондов.

Отдадим должное эстонскому «хирду»: он не рассыпался, но остановить «железных людей» или хотя бы взломать их ряды, добравшись до пехоты, не получилось. Меченосцы медленно, со скрипом, но все же прорубались сквозь ряды противника. На флангах все шло совсем иначе. Атака латгалов не удалась, и началась длинная кровавая рукопашная, зато на правом фланге ливы, как аккуратно пишет Генрих, «внезапно решили сражаться вместе с немцами», то есть просто сломали строй и побежали под защиту клина, что дало эстам возможность даже нанести удар по оголенному участку «свиньи». Однако, судя по всему, именно в этот момент погибли Лембиту и его заместитель, после чего немецкий клин, пользуясь временным замешательством противника, все же пробил строй «варваров» и вывел им в тыл пехоту, под ударом которой эсты дрогнули и побежали. Общие потери убитыми – считая погибших и на поле боя, и в ходе преследования – составили почти 1000 человек, победителям достался весь обоз эстов и более 2000 лошадей, что само по себе было тяжелейшим ударом по экономике маакондов. Орден, впрочем, тоже понес значительные потери: рыцарей, правда, погибло немного, но немецких кнехтов, не говоря уж об ополчениях союзников, пало гораздо больше. А ведь это был «золотой фонд» епископства, достойные немецкие переселенцы! Эсты же, хоть и разбитые, хоть и потерявшие лидера, еще далеко не встали на колени, да и «русская проблема» никуда не делась. Стало ясно, что своих сил не хватит, и Альберту пришлось пойти на шаг, от которого он долго уклонялся: принять помощь датского короля. Естественно, в обмен на часть территории.

О, эти русские...

Датчане не отказались. В 1219-м они оккупировали часть островов, высадились на побережье в районе городка Колывань, взяли его и основали крепость Ревель ака Танне Линн («датский город»), по ходу дела помогая немцам умирять мааконды. Теперь вся надежда эстов была на русских. Они каялись во всем и просили, забыв обиды, помочь. В Новгороде ситуацию понимали. Несмотря на то что ситуация в городе на Волхове была не лучшая для активной внешней политики (всего за шесть лет, с 1218-го по 1224-й, там сменилось пять князей), «мужи новгородчи» дважды, в 1219-м и 1222-м, приходили на помощь соседям. Однако и две осады Вендена, ключа к Риге, и осада Ревеля были неудачными, мощные укрепления и тяжелые камнеметы спасали гарнизоны. Более того, в 1223-м немцы, отвечая ударом на удар, взяли Вильянди, повесив всех пленных «на страх и ужас другим русским», а в 1224-м, максимально мобилизовавшись, двинулись на самую сильную русскую крепость – Юрьев, где княжил Вячеслав Борисович – тот самый «Вячко» из Кукейноса, принявший под свою крышу отряды еще непокоренных эстов во главе со старейшиной Мээлисом, вроде бы сыном покойного Лембиту.

Силы были несопоставимы, помощи из Новгорода или Пскова, не говоря уж о Полоцке, не предвиделось. Однако предложения немцев о капитуляции, весьма, между прочим, выгодной и почетной – свободный выход со всем имуществом, семьями, оружием и казной, и все это всего лишь за то, что князь покинет «отступников-эстов», – были отвергнуты наотрез: «Како стоим заодно, тако и ляжем». Несколько попыток штурма ничего не дали. Тогда, после прибытия подкреплений, было решено устроить еще один штурм, окончательный, с участием всех, вплоть до высшего состава ордена. Единогласно была принята также идея двух рыцарей, Фридриха и Фредегельма, недавно прибывших из Германии: «Взявши город, жестоко наказывать жителей в пример другим, чтобы задать этим другим великий страх, князя же, покровителя язычников, вознести выше всех, повесив на самом высоком дереве». А затем был приступ, долгий и кровавый. Бились жестоко, без пощады, но немцев было больше, и они сумели ворваться в город, а потом на плечах начальства ворвались леты и ливы, и началась резня. Никому не было пощады. Бой продолжался до глубокой ночи. Уйти из крепости не удалось никому, да никто особо и не пытался. Все пленные, около сотни мужчин и женщин, русских и эстов, были повешены, тело павшего в бою князя выбросили в овраг на корм зверью. В живых оставили лишь одного пленника, «слугу» (полпреда) суздальского князя, – ему дали лошадь, еды на дорогу и отпустили в Новгород – рассказать своим, что «убиша князя Вячка немцы в Гюргеве, а город взяша». Над землей эстов, ставшей наконец частью Единой Европы, вставала заря новой жизни.

Глава VI. Оккупация

Мнение свыше

Гибель Лембиту и падение Юрьева для Прибалтики означали многое. Если уж у драчливых эстов, да еще и при русской поддержке, не хватило сил справиться с «железными людьми», это, в понимании тех мест, означало, что лучше никому не рыпаться. Используя, как нынче говорят, благоприятную конъюнктуру, епископ Риги и его вассалы-меченосцы начали прибирать к рукам что плохо лежит, благо в Полоцке начались серьезные усобицы и «русский фактор» на какое-то время стал неактуален. Побежденных эстов, правда, особо щемить не стали, ограничившись обязательным крещением, данью и поставкой войск для своих походов (против чего эсты, надо сказать, возражали куда меньше, чем против крещения и дани), а вот предков латышей обнулили круто. Ливы и так были уже прижаты к ногтю, теперь их судьбу разделили курши, а потом и земгалы, попытавшиеся было заполнить «вакуум силы» и тут же надорвавшиеся. Себе на беду, вдохновленные успехом братья-меченосцы ввязались в войну и с резко идущими на взлет литовцами – и вот тут-то белая полоса кончилась. В 1236-м, при Шавлях, Орден Меченосцев был бит (не без помощи эстов, в решительный момент ударивших в спину господам) с такой силой, что перестал существовать, а его остатки перешли в ведение западного, Тевтонского, ордена, в статусе «регионального» Ливонского. Поскольку братья-тевтоны напрямую подчинялись Папе, а братья-ливонцы – рижскому епископу, начались скандалы, ослаблявшие «железных людей». К тому же приоритетом Тевтонского ордена были земли пруссов, а бывшие меченосцы (ныне «ливонцы») требовали натиска на Восток и покорения Пскова, Новгорода, а там и еще чего-нибудь, тем паче что аккурат тогда по Руси гуляли татары, в связи с чем дело казалось верным. Кончилось все, как известно, поражением на Чудском озере, после чего «ливонцы» присмирели и подчинились Кёнигсбергу в полной мере. Однако и у «тевтонов» все было не слава богу. Реагируя на чересчур опасное усиление все той же Литвы, они в 1260-м устроили тотальный поход на Миндаугаса Объединителя и, зарвавшись, получили под городком Дурбе свои «Шавли». А как следствие – знаменитое Великое Прусское восстание, поставившее орден на грань гибели, каковая, наверное, и не замедлила бы, не снаряди заинтересованные лица прямую интервенцию из Германии.

В конечном итоге от больших походов пришлось отказаться. Литовцев пару десятилетий «братья» вообще так боялись, что не рискнули связываться даже когда «король Литвы» погиб, а в жемайтских лесах и болотах началась драка за право быть новым Миндаугасом. Но и позволять себе застаиваться на месте орден не мог, так что действовал потихоньку, отгрызая кусок за куском у не умеющих объединиться мелких местных племен, на что, в очередной раз, столкнулся с русскими, которые, без спора, вовсе не были непорочными ангелами, никого никогда не обижавшими, а в походы ходившими исключительно обороны ради. Все у них было как у всех. С соседями на межах резались только так – и по поводу, и без повода, типа удаль показать да барахлишком разжиться. Однако в 1268-м все было чуть иначе. Зимний поход «в немцы», запланированный Господином Великим Новгородом, имел некоторую специфику: конкретно наскоком предполагалось не всех «немцев» подряд, а исключительно «данских». То есть датчан, владевших тогда, как мы уже знаем, третью будущей Эстляндии. Были у мужей новгородских с датскими фохтами какие-то серьезные разногласия, разрешить которые без крови не получалось. Орден же по предвоенной диспозиции оказывался как бы в стороне. С Данией у него был договор о союзе, однако предполагал сей документ совместные действия только в случае, если союзника атаквали вовсе без причины, а у датчан какой-то пушок на рыльце имелся. К тому же разведка донесла куда надо информацию о том, что в кампании примут

участие и низовские дружины. Так что еще в разгар подготовки к походу Новгород посетило полномочное посольство ордена и епископа Рижского, сообщившее, что в предстоящей войне участвовать *gepossen* не хотят, и поклявшееся не помогать датчанам. Позже, уже в Риге, на встрече с ответным посольством, епископы и Великий магистр Отто фон Роденштейн клятву подтвердили, скрепив целованием креста и печатями. Это считалось надежной гарантией.

Датчане, однако, забеспокоились и, понимая, что в одиночку не устоять, приняли меры. Их тайное (русские о нем так и не узнали) посольство предложило братьям-рыцарям не думать о глупостях, а взвесить все, как пишет Магнус Стодтхольм, «с точки зрения уникально удобно для Европы сложившейся ситуации». Взвешивать, в самом деле, было что. Для похода на Раковор, а затем, если повезет, то и на Ревель, русские стянули практически все имеющиеся силы. Резервов, по факту, не оставалось ни в Новгороде, ни в Пскове, ни даже «на низах» у великого князя. Таким образом, сломав русскую рать и, как формулирует тот же Стодтхольм, «нанеся русским максимальный урон в боеспособных мужчинах», можно было рассчитывать по горячим следам, на плечах бегущих, быстро оккупировать Новгородскую и Псковскую земли. Даже, если повезет, занять и оба города – и тогда уж не менее года спокойно закрепляться в новых владениях. На что и Папа, и император, и князья Священной Римской Империи, несомненно, прислали бы и денег, и людей. Особый упор делался на то, что все продумано и неудача попросту невозможна, поскольку русским придется столкнуться с «войском, вдвое большим, нежели они рассчитывают, к тому же занявшим позиции по своему усмотрению; для успеха осуществления плана нужно только соблюдать полную тайну».

Аргументы датчан были убийственно логичны. Они вдохновляли и соблазняли. Препятствием была только клятва на кресте, преступить которую в те времена было непросто. О ходе дебатов в капитуле ордена ливонские хроники умалчивают, но, слава богу, Стодтхольм в своей монографии использует редкие документы из датских архивов, причем не летописи, а деловую переписку, из которой, как правило, можно узнать куда больше. «Выгода предложений была бесспорна, – пишет он, – по поводу же клятвы на кресте епископ, выслушав мнения совета, вынес решение, что нарушение обета, данного еретикам, не грех, если от этого будет польза Христианскому Миру. После этого общему решению противился только Конрад фон Целле, комтур Пайды, трижды повторивший, что русские никогда своих клятв не нарушали, а коль скоро так, то рыцарям свои клятвы нарушать неблагородно». Реакция коллег на столь неуместные речи мне неведома, но результат известен. 18 февраля 1268 года от Р. Х., встретившись под Раковором (ныне Раквере) с объединенным (как и предполагалось) – вдвое большим – вражеским войском, занявшим (как и предполагалось) исключительно выгодные позиции, русские, выстояв в ходе жесточайшего сражения, не просто опрокинули союзников, но буквально растерли их (в том числе и уважаемого Конрада фон Целле, которого мне искренне жаль) по снегу. Вслед за тем пустив в дым всю Ливонию (что, как вы понимаете, никак не предполагалось), а в следующем году орден, попытавшись взять реванш, дал задний ход при первом же появлении русских стягов на горизонте, выпросив мир «на всей воле новгородской». Вот, собственно, и все. Пошли, правда, по итогам событий среди братьев-рыцарей – и даже попали в хроники – нехорошие шепотки. Дескать, все эти напасти суть наказание за грех клятвопреступления. Однако епископу Риги удалось погасить разговорчики в строю в самом зародыше, отправив запрос в Рим, откуда пришла булла с разъяснением, что, мол, ничего подобного, всякое бывает, а клятвы варварам, действительно, силы не имеют. Однако, несмотря на такой однозначный ответ, конфликты ордена с русскими соседями с этого времени сводились к обычным – когда большим, когда меньшим – драчкам на меже, великий же *Drang* воинов Божьих *nach Osten* прекратился. Ибо булла буллой, а Бог не фразер...

Хороший, плохой, злой

В общем, котел кипел вовсю. Кое-как устаканилось все только в предпоследнем десятилетии XIII века, когда пруссов все-таки общими силами нагнули, в Литве начались разборки на тему, кто теперь Миндаугас, а «русское» направление после неудачной битвы под Раковом вообще было закрыто, как стратегическое. Главной целью ордена отныне стало окончательное покорение будущих латышей (это сделали быстро и без особого труда) и аккуратное продвижение в Литву, а если получится, то и в Польшу. Эстам, подвластным ордену и епископам Риги и Дерпта, в таком раскладе по-прежнему мирволили, держа в положении, конечно, людей второго сорта, но полезных и с привилегиями. Да и вообще, в то время братья-рыцари особо шкур с податных, не считая предков латышей, не драли. Зато в датских землях, на севере Эстонии и островах, включая город Ревель, все было совсем иначе. Короли Дании в тот момент были слабы, датские вассалы их не слушались, шведские соседи допекали вовсю, так что ставку господ из Копенгагена делали на немцев. Им доверяли, их приманивали, их возвышали, а поскольку свободных земель в самой Дании не было, фьефы переселенцам предоставлялись в Прибалтике, считавшейся «королевской землей». И вот там-то эстам приходилось туго. Мелкие безземельные дворяне, обретя наконец и земли, и как бы крепостных, устанавливали в крае даже не орденские, а «ординарные» германские порядки, что было для земледельцев крайне неприятно. Описывать не стану, что такое ужасы средневекового крепостничества – каждый, в принципе, может представить и сам. Скажу лишь, что было введено даже давно забытое почти во всем цивилизованном мире право первой ночи. При этом местной специфики новые хозяева не знали и знать не желали. А зря. Поскольку «датские земли» населяли все-таки не на все уже согласные ливы и прочие курши, а серьезные люди, к тому же знающие, что их сородичей в землях ордена и епископов хоть сколько-то, но уважают, и не считавшие себя хуже кого-то. Короче говоря, тлеело. Тлеело долго и сильно. Вопрос был лишь в том, когда пламя прорвется.

Капли датского короля

Прорвалось в 1343-м. Причем именно пламя. В буквальном смысле слова. Естественно, эсты не могли знать, что такое «Сицилийская вечерня». Но, судя по тому, что в Юрьеву (на 23 апреля) ночь по сигналу – на одном из холмов вспыхнул заброшенный дом – поднялась вся «датская» Эстония, подготовка к мероприятию была не менее долгой и тщательной, нежели за 60 лет до того на Сицилии. И резали точно так же, как там французов – не щадя никого, не различая старых и малых, мужчин и женщин. Еще до рассвета были захвачены и разгромлены все усадьбы. Всего погибло около 3000 (или даже больше) немцев и датчан, спастись удалось очень немногим. Заодно с поместьями жгли церкви. Мятежникам удалось захватить даже хорошо укрепленный, запертый на ночь монастырь в Пайдисе, где погибли почти три десятка монахов. Не смогли, правда, взять с налету сильный замок Витгенштейн, гарнизон которого был поднят на ноги «несколькими немецкими женщинами, в непристойном виде явившимися у ворот». Устоял и Хаапсалу, где дозорные подняли тревогу, увидев на горизонте зарево. А также, разумеется, Ревель. Правда, в стычке у стен города небольшой отряд защитников был разбит, но взять штурмом достаточно крепкие по тем местам стены без специальных навыков и оборудования было непросто. Лидеры эстов («четыре короля» – скорее всего, из штаба подготовки восстания), понимая это, тратят людей, бросая их на заранее обреченный штурм, не стали. Они копили силы, объявив Ревель сборным пунктом ополчения, и всего за два-три дня в лагере было уже около 10 000 вооруженных мужчин из бывших маакондов. По тем временам и местам – огромная сила. Хотя, конечно, в военном отношении не слишком убедительная – боевой опыт имелся мало у кого, конницы не было вообще, да и оружие оставляло желать лучшего.

На некоторое время установилось затишье. Из Ревеля во все стороны шли панические просьбы о помощи. Что на законного короля надежды нет (в Дании ситуация была хронически непростая), там понимали очень хорошо, поэтому, не согласовывая действия с сувереном, умоляли о спасении всех, на кого была хотя бы малейшая надежда, упирая на христианский долг и обещая решительно все. Соседи не отказывались. Буркхард фон Дрейвеле, магистр Ливонского ордена, пообещал прийти незамедлительно. Аналогичное обещание прислал и епископ Дерпта. Со своей стороны, не теряли времени и «короли» эстов. Были отправлены послы в финский Або, к шведскому наместнику и во Псков. И шведов, и русских, – видимо, по принципу «кто раньше успеет» – приглашали «прийти и взять страну под свою власть вместе со славным Ревелем». Ни те, ни другие не отказали, и, как указано в летописях, «радостные послы вернулись к войску». Похожие предложения были посланы и магистру – типа датские люди совсем достали, а во владениях ордена порядки справедливые, и ежели орден заберет их под свою крышу, ополчение будет только радо. Дальше в обеих хрониках начинается мутное. Можно сделать вывод, что идея магистру понравилась и он, в чем-то соглашаясь с жалобами эстов на «чрезмерное угнетение», был поначалу не против. Но слишком уж много церковью сожгли бунтовщики, дав основания считать себя «вернувшимися в язычество», а с такими у братьев-рыцарей разговор был короткий. Да и совершенно однозначная позиция дворян, потерявших в северных землях родных и друзей, не позволяла идти на серьезные переговоры с убийцами. Вместе с тем традиционная трактовка дальнейших событий («заманил на переговоры и коварно убил») тоже не совсем верна. Действительно, «короли» по приглашению фон Дрейвеле прибыли в замок Пейде на переговоры и, действительно, там погибли. Однако, судя по всему, не были «подло казнены», а погибли в стычке, отказавшись исполнять распоряжение магистра о пребывании в его ставке и попытавшись пойти на прорыв.

Друг в беде не бросит...

Как бы то ни было, в первых числах мая войска ордена двинулись к Ревелю. Путь их шелками выстлан не был: эсты, избрав новое руководство, организовали довольно теплую встречу, сумев даже разбить отряд под командованием оберпаленского фогта, но, когда начали подходить основные силы братьев-рыцарей, отступили от стен города, заняв позиции в болотистых пустошах. В общем-то умно и правильно. С орденской пехотой эсты, даже без особых доспехов, могли бы посостязаться на равных, но пришла еще и конница – не менее 17 (или даже 22) братьев-рыцарей и около 200 «железных людей» рангом поменьше, – так что вся надежда была на грамотную оборону. Какое-то время расчет оправдывался. Кони рыцарей вязли в топях, им не удавалось реализовать свои преимущества. Но одно из болот, Канавере, было невелико, и немцам удалось его окружить, после чего, когда фогт Гервена, командовавший орденским авангардом, предложил сдаваться, обещая пощаду, а надежды на помощь извне уже не было (другие отряды не сошли бы с удобных позиций), эсты согласились. Однако рыцари, «поддавшись на уговоры осиротевших женщин и детей», нарушили обещание и перебили всех сдавшихся, около 1600 человек. Спустя три дня, после прихода самого магистра, состоялось генеральное сражение на болоте Сыямяэ, где упорно сражавшиеся эсты, хотя и сумели нанести карателям немалый урон (не говоря о латышской пехоте, которую никто не считал, в бою погибло «6 добрых дворян и один орденский брат»), но сами потеряли почти 3000 бойцов. В целом, после боев у стен Ревеля ополчение, успевшее отступить, уменьшилось наполовину. Но разбежаться не собиралось, и осада Хаапсальского замка снята не была.

В такой ситуации напуганные датчане, опять-таки не запрашивая мнение короля, осыпав магистра цветами, подписали прошение к ордену о переходе под его «верховное покровительство». В замки Ревеля и Вейсенберга были введены орденские гарнизоны, датского монарха уведомили, что готовы «по справедливой цене возместить утрату земель». Теперь у ополчения, все еще не собирающегося сдаваться, оставалась надежда только на помощь извне. В первую очередь на шведов, которым верили и которых считали своими. У шведов, однако, были иные планы. Их флот с довольно сильным войском подошел к Ревелю спустя пару дней после сражения на Сыямяэ, однако вместо высадки и соединения с эстами, что было предусмотрено договоренностями, тренеры «Тре крунур» вступили в переговоры с магистром и очень быстро нашли общий язык. Было подписано соглашение о «прочном перемирии... как на море, так и на суше» на девять месяцев, до «решения его величества короля шведов и ётов». Однако Магнус Эриксон решил быстрее. Уже 5 сентября 1343 года он заключил с орденом как «повелителем Эстляндии» и городом Ревелем «вечный мир», одоблив «примерное наказание взбунтовавшихся язычников» и вытребовав в обмен торговые льготы плюс клятву не поддерживать датчан. Совсем иначе обернулось дело на востоке. Псковское вече, выслушав послов магистра, обещавших в случае сохранения нейтралитета «добрый мир на пять лет и честную торговлю», постановило все-таки «помочь чуди по старой приязни и по древней памяти». 26 мая дружины псковского князя Ивана и изборского князя Евстафия, усиленные «охочим людом» (в общем, около полутора тысяч человек), вступили на территорию Дерптского епископства и подошли к Оденпе, взятие которого открывало дорогу на Ревель. Встревоженный магистр начал спешно стягивать силы, отменив приказ о преследовании мятежных бунтовщиков. Иван же с Евстафием, узнав от местных крестьян и купцов о разгроме эстов, приняли вполне естественное (бобик сдох, чего уж там...) решение отступать. Однако 1 июня близ Вастселийна (Нейгаузен) столкнулись с объединенным войском ордена и епископа, пытавшимся перерезать им дорогу домой, дали сражение на марше и победили. Немцы отошли, понеся тяжелые потери, в том числе и нескольких орденских братьев. Псковичи и изборцы благополучно вернулись в родные пенаты, а эсты, вовсе не собиравшиеся считать себя вовсе уж побежденными, получили время

для жизненно необходимой им передышки, отступив, в частности, и на до сих пор спокойные острова.

Битва за острова

Насколько можно судить, новой вспышки уже подавленного бунта никто не ждал. Орден, в отличие от слабосильного датского наместника, репутацию имел серьезную. По всему краю были распространены сообщения о том, кому отныне следует подчиняться, подкрепленные рассуждением, что, дескать, поскольку «перед орденом вины нет, то и наказывать ордену сдавшихся и вернувшихся к мирной жизни христиан не за что». Это было логично. Это было убедительно. Мало кто сомневался, что обстоятельные эсты, убедившись в провале своего начинания и полном отсутствии надежд на помощь хотя бы откуда-то, примут эти, по сути, вполне приличные условия. Однако вышло иначе. В Якову ночь, на 24 июля, началось и на островах. По той же схеме: огонь в ночи и всеобщее восстание с полным истреблением всего, говорящего по-немецки. Дворян просто убивали, католических священников, раздев догола, топили в море. На Сааремаа мятежникам удалось даже захватить предвратные укрепления крупного замка Пёйде, того самого, где двумя месяцами раньше магистр встретился с «королями». Припасов в замке не осталось, осада была плотной, и спустя десять дней комендант дал согласие сдаться, потребовав взамен гарантий свободного прохода к кораблям без оружия и поклажи. Ему это торжественно обещали, поклявшись на «кресте и камне», но слова не сдержали. Все вышедшие из замка были перебиты поголовно, причем самому коменданту, прежде чем зарезать, эсты, как порядочные люди, разъяснили мотивы своих действий: дескать, «Христос отныне тут власти не имеет, а наш камень нас простит». Полностью зачистив территорию, островитяне принялись возводить систему укреплений в удобных для вторжения местах – десанта ждать не приходилось, но все знали, что такое орден, и никто не сомневался в том, что зимой, когда замерзнут проливы, отряды магистра неизбежно придут. Воодушевленные событиями за проливом, вновь оживились остатки ополчения и на континенте. Все это быстро сгладило противоречия между «железными людьми». Длинная пауза, мастерски выдержанная мудрым Буркхардом фон Дрейвеле, сыграла роль. В начале декабря все епископы Ливонии, включая Рижского и Дерптского, публично согласились «с этого времени и всегда преданно поддерживать орден, без власти которого нет возможности защищать местную Церковь» от «неверных новокрещенных и мерзостных язычников». Примерно в те же дни и датский король, отправивший Папе жалобу на беспредел его рыцарей, видя, что Эстонию уже ни в каком варианте не удержать, отозвал письмо, вместо того попросив Святой престол гарантировать выплату не «справедливой цены», как предлагал магистр, а конкретно 25 000 марок серебром (позже сошлись на 19 тысячах).

А пока шли окончательные терки, войска магистра уже приступили к делу. Уже в конце ноября «железные люди» вошли в Гарриен, уже замиренный, но восставший снова и, как «вторично отпавший от веры», приговоренный к «примерному наказанию». Если раньше братья-рыцари, беспощадно казня взятых на поле боя, к женщинам и детям относились вполне по-христиански, то теперь и здесь пощада считалась не только слабостью, но и прямым нарушением приказа и воли Божьей. Хроники еще много лет спустя называли этот мааконд «опустошенной и заброшенной землей». В феврале 1344 года, запасшись осадными машинами, орденские кнехты по льду перешли на Сааремаа, однако, прорвав первую полосу земляных укреплений, завязли в боях и к исходу зимы, опасаясь оттепели и окружения, вернулись на материк. Учитывая потери эстов, это было преддверием победы, но туземцы стратегии не понимали: после отступления с острова вновь начались мятежи на материке, даже в землях полностью, казалось бы, затурканных ливов. Но теперь орден не торопился и не напрягался сверх меры. Аккуратно задавив недовольство в своих старых землях, за новые он принялся лишь месяцев восемь спустя, когда лед в проливах встал качественно, и на сей раз довел дело до конца. За восемь дней непрерывного сражения были взяты все укрепления Сааремаа, их

защитники поголовно перебиты. Затем, опять же без спешки, занялись другими островами, и к Рождеству 1344 года магистр отслужил торжественный молебен, благодаря Господа за дарование окончательной победы.

Стабилизец

Общее количество немцев, включая датчан, погибших в ходе этих событий, если хронисты не ошиблись, известно до последней души – 4631 человек, в том числе «11 братьев, 14 орденских дворян, 29 орденских всадников, 68 орденских людей, 47 людей епископских, 29 ревельцев, из них 21 стражник». Насильно и не насильно мобилизованных куршей и ливов, естественно, никто не считал, но там счет явно шел на тысячи. Как, разумеется, и у эстов, хотя цифра «более 30 000 бунтовщиков», озвученная орденским хронистом, кажется все-таки завышенной. Однако, как ни странно, такой итог парадоксальным образом сыграл на пользу выжившим. Наведя порядок, орден, естественно, принялся обустривать новые земли. А людей не хватало катастрофически.

И завозить было неоткуда. Цена рабочих рук выросла, и выживших приходилось как-то заинтересовывать. К тому же не хватало и дворян-управленцев: многие погибли, многие, перепуганные навсегда, вернулись в Германию, а орденские фогты могли разве что осуществлять общее руководство. В связи с чем, вдобавок ко льготам, орден предоставил эстам бывшие датские территории и минимальное самоуправление, о котором и мечтать не могли ни ливы, ни курши, ни даже эсты «старых» орденских земель. Естественно, от греха подальше, перестали брать их и с собой в походы, запретив даже иметь дома какое-либо оружие, кроме вил, топоров и кос, без которых в хозяйстве никак, что тоже было немалым облегчением. Так что лет 50–60 после мятежа потомки погибших могли считать, что жертвы все же принесены не напрасно. Однако все забывается. По мере увеличения поголовья земледельцев и роста претензий братьев-рыцарей, понемногу забывавших былую скромность в быту, порядки, принятые в Ливонии, Курляндии и южной Эстонии, явочным порядком распространялись на весь край. «История Ливонии, – писал Карамзин, пересказывая хронистов начала XV века, – говорит, что сия земля могла тогда справедливо называться «небом дворян, раем духовенства, золотым рудником иностранцев и адом утесненных земледельцев». Естественно, такое развитие сюжета аборигенам не нравилось, но их никто не спрашивал. Ливы и курши тянули лямку безропотно, за эстами жестко присматривали, в корне давя любые намеки на недовольство, вплоть до песен, где совершенно забытые крестьяне вспоминали про «оп hea sxber Pihkva» – «хороший друг Псков». И так сто лет. А потом еще сто. То есть двести. И даже чуть-чуть больше.

От рассвета до заката

Большие войны Руси с орденом, начавшиеся при Иване III, по идее, должны были бы охладить симпатии эстов к Востоку. Русские, как, впрочем, и братья-рыцари, на руку были тяжелы. Но, поскольку немцам приходилось намного хуже, злорадство перебивало злость. А потом началась Ливонская война. В январе 1558 года русская армия тремя «змеями» вошла в пределы Дерптского епископства, рассыпавшись на десятки рейдовых отрядов, – и вдруг, неожиданно для ордена, все пошло совсем иначе. По мнению специалистов, весь восток Эстонии всего за полгода оказался во власти Ивана Грозного не в последнюю очередь еще и потому, что эсты, в отличие от ко всему равнодушных будущих латышей, – хотите верить, хотите нет – встретили их как родных. В обширных архивах ордена сохранились десятки докладов с мест: фогты жалуются магистру, что «эсты заражены изменой», охотно «показывают москвиту путь через леса и болота, и выдают многие иные важные тайны». С другой стороны, российские архивы сохранили списки 500, так сказать, «официальных» лазутчиков из крестьян-эстов, состоявших на армейском учете накануне вторжения, а уж сколько их стало после начала военных действий, одному Господу ведомо. Дело в том, что «москвиты» резко изменили концепцию. По отношению к немцам отряды Шах-Али Касимовского были по-прежнему крайне жестоки, однако «чинить обиды чуди мелкой» было теперь жесточайше запрещено. Дальше – больше: 31 мая 1558 года в докладе из Ревеля магистра поставили в известность, что «московские начальники охраняют и защищают крестьян, выслушивают их жалобы, дают им без оплаты зерно и семена для посадки, а также одалживают волов и лошадей», так что «близ крестьяне уже строят себе хижины и дома». Наконец, при заключении временных перемирий (скажем, в 1559-м) в текст по требованию Москвы включались пункты, запрещавшие немцам насилие над жителями окрестностей Дерпта, Вейсенберга и других городов, остававшихся во власти ордена.

Неудивительно, что «эсты повсюду принимали присягу на подданство Москве» и даже пытались присоединиться к русским отрядам, от чего воеводы, не заинтересованные в некачественной живой силе, правда, отказывались. В какой-то момент вслед за ними потянулись и ливы с куршами, а в тех местах, куда русские войска не дошли, осенью 1560 года – в глубокую тылу ордена – полыхнул нешуточный мятеж, очень похожий на «Юрьеву ночь». Такое же выступление по единому сигналу – как бы ниоткуда. Такое же неведомое откуда взявшееся, очень хорошо скоординированное ополчение, правда, на сей раз только с топорами и вилами. Опять «король» (разве что теперь только один). Опять осада крупнейшего в тех местах города. И – как двести лет назад – обращение за помощью к русским. Кто знает, как обернулись бы события, успей кто-то из воевод вовремя. Но фон Кетлер, маршал ордена, оказался проворнее. Он успел погасить пожар в зародыше, малыми силами ударив по главному «скопищу» эстов, собравшемуся у стен Коловере, разбил их, уничтожив до двух тысяч человек и, пленив, жесточайше казнил «короля», завоевав в результате колоссальное уважение всей немецкой Прибалтики. Спустя несколько лет это помогло ему, уже в ранге Великого магистра, стать самому себе Лютером, плюнуть на Ватикан, распустить орден и объявить себя герцогом ни от кого, кроме Речи Посполитой, независимого герцогства Курляндского. Что же до эстов, то им, после резни под Коловере (кто уцелел) притихшим, осталось только ждать исхода войны, а потом новых войн и – по секрету от «юнкеров» – в ожидании лучших времен петь протяжные песни про «on hea sxber Pihkva».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.